

Владимир

Гуляев

МОЯ ВОЙНА

В бою на «Ил-2»

Моя война

Владимир Гуляев

**В бой на «Ил-2». Нас
называли «черной смертью»**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 84(2)

Гуляев В. Л.

В бой на «Ил-2». Нас называли «черной смертью» /
В. Л. Гуляев — «Алисторус», 2022 — (Моя война)

ISBN 978-5-00180-561-8

Владимира Гуляева помнят прежде всего как актера по его ярким ролям в фильмах «Весна на Заречной улице», «Бриллиантовая рука» и другим. Кто бы мог подумать, что в годы Великой Отечественной войны он был одним из лучших летчиков штурмовой авиации; на фронте ходила легенда, что за его голову Гитлер лично назначил награду. В своей книге Гуляев рассказывает о том, как воевали и жили летчики в годы войны, какие невероятные боевые вылеты совершали, почему «Ил-2» немцы называли «черной смертью», а его пилотов не брали в плен. Книга написана ярко и живо, по своей тональности она чем-то напоминает знаменитый советский фильм «В бой идут одни старики». Говорят, Владимир Гуляев очень хотел сняться в нём, но не получилось. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 84(2)

ISBN 978-5-00180-561-8

© Гуляев В. Л., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Об авторе	6
На фронт	10
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Гуляев
В бой на «Ил-2». Нас
называли «черной смертью»

Серия «Моя война»

© Гуляев В.Л., правообладатели, 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Об авторе

Владимир Гуляев родился в Свердловске 30 октября 1924 года в семье военного. Отец – подполковник Леонид Михайлович Гуляев – был заместителем начальника политотдела Молотовской военной авиационной школы, мать – Мария Алексеевна, педагог.

В 15-летнем возрасте Володя Гуляев был принят в аэроклуб. С началом войны Владимир идет слесарем в авиационную мастерскую. 20 апреля 1942 года его зачислили курсантом в Молотовскую (Пермскую) военную авиационную школу пилотов, которую он окончил ее с отличием и стал пилотом штурмовика Ил–2.

В ноябре 1943 года самый юный младший лейтенант советской штурмовой авиации Владимир Гуляев отправляется на фронт. Он стал летчиком 639-го штурмового авиационного полка, который базировался тогда около города Велиж. В ноябре 1943 года началось формирование 335-й штурмовой авиадивизии, в которую вошел полк Гуляева и соседний, 826-й, из 211-й дивизии. Зимой летчики дивизии летали редко, в основном на разведку. Гуляеву удалось совершить всего лишь один боевой вылет.

Весной 1944 года в дивизию Гуляева поступил приказ на перевод 639-го полка на 2-й Украинский фронт. Это событие должно было бы обрадовать Володю, ведь начальником агитации и пропаганды 53-й армии на 2-м Украинском воевал его отец. Но он поступил «по-гуляевски»: упросил командира дивизии не отправлять его на Украину и перевести в соседний 826-й, штурмовой полк 335-й дивизии. В 1-й эскадрилье этого полка Владимир Гуляев и пройдет все свои фронтовые университеты до самого победного дня – 9 мая 1945 года.

В мае 1944 года 335-я штурмовая дивизия в составе 826-го и 683-го штурмовых авиаполков скрытно перебазировалась на аэродром у Городка на Витебщине. Первые вылеты Гуляева были на штурмовку железнодорожных станций Ловша, Оболь, Горяны на дороге Витебск – Полоцк. Особенно досталось гитлеровцам от ударов Владимира в Оболи. На эту станцию он летал 20 мая, 6, 13 и 23 июня. В полковых документах за 13 июня говорится: «Летая на штурмовку ж.д. станции Оболь в группе из шести Ил–2, сделав 3 захода, несмотря на сильный зенитный огонь противника, т. Гуляев сбросил бомбы в эшелон – наблюдались 3 взрыва с черным дымом. Огнем пушек и пулеметов расстреливал живую силу противника. Задание выполнил отлично. Результат штурмовки подтверждается фотоснимком и показаниями истребителей прикрытия».

К этому следует добавить, что сама станция прикрывалась четырьмя зенитными батареями да еще двумя на подходе к ней. Это целое море зенитного огня! Гуляев, пренебрегая смертельной опасностью, трижды нырял в это море. И не только остался жив, но и повредил немецкий эшелон. Об этой его снайперской атаке даже написала армейская газета «Советский сокол». Вырезку со статьей Гуляев потом долго с гордостью носил в своем летном планшете.

В своих мемуарах он описал встречу с коллегами-пилотами: «Двое из моих попутчиков летают на истребителях, а третий – на пикирующем бомбардировщике Пе–2. Когда выяснилось, что я летаю на “илах”, один из истребителей, качнув головой, с чувством произнес: “О-о!” Все участливо смотрели на меня».

Было от чего. Несмотря на бронирование, Ил–2 сбивали чаще других самолетов в 2–3 раза. Из-за особенностей боевого применения – штурмовикам приходилось летать над вражескими позициями на высоте нескольких сот метров – никакая броня не спасала. Порогом считались 25–30 вылетов.

Во время операции «Багратион» 826-й штурмовой полк наносил удары по живой силе и технике противника,двигающейся по дорогам Добрино – Вербали – Шумилино – Бешенковичи, Ловша – Богушевское – Сенно и Ловша – Климово. В составе шестерки штурмовиков ведомым у командира 1-й эскадрильи капитана Попова поднялся в воздух и младший лейте-

нант Гуляев со своим воздушным стрелком – сержантом Василием Виниченко. Их целью была немецкая колонна на дороге Ловша – Полоцк. Но с воздуха они вдруг увидели, что на станции Оболь стоят под парами целых 5 эшелонов врага! Сквозь плотный частокол зенитного огня к ним прорвались лишь Попов и Гуляев. Но Попова все же сбили, сбили над самой станцией. Вместе с ним погиб и его стрелок старшина Безживотный. Сбросить бомбы на эшелоны и вернуться на свой аэродром целым и невредимым удалось лишь Гуляеву.

На станции Оболь потом еще целых два дня бушевал пожар и рвались боеприпасы. Правда, достойной оценки снайперский удар Владимира Гуляева у начальства не получил. В это просто не поверили. Живых свидетелей не было, а у Гуляева это был всего лишь восьмой боевой вылет. Конечно, сказалось и то, что дивизия в этот день впервые понесла столь большие потери: 7 самолетов и 4 экипажа. Тут уж было не до победных реляций перед вышестоящим командованием.

Сам Гуляев описывал этот бой так: «Едва я успел перевести свой самолет в пике, как заметил, что с автомашины, стоящей на дороге, тянутся ко мне злоеющие эрликоновские трассы. Доворачиваю самолет и ловлю в прицел точку, откуда рождаются эти извивающиеся огненные щупальца. Нажимаю на гашетки, и, сорвавшись с плоскостей, трассы моих пушек и пулеметов, переплетаясь с вражьиными, потоками движутся навстречу друг другу, образуя в небе фантастический, колышущийся огненный мост.

Кажется, что трассы, летящие с земли, нацелены в мой прищуренный глаз, которым я ловлю автомашину в перекрестие прицела. Нескончаемыми молниями они сверкают то слева от кабины, то над правой плоскостью, то прямо над головой! Даже не понятно, как еще ни один снаряд не заденет за крыло или кабину?

Сжавшись в комок, иду в лобовую атаку. Четыре вражеских ствола бьют по тебе, и ты ведешь свой самолет прямо “в лоб” на эти трассы. И весь вопрос в том, кто в кого раньше попадет! Или они в самолет, или ты в их автомашину с установкой скорострельных пушек.

Так продолжается несколько долгих секунд. И вдруг я вижу, как вспыхнула автомашина. И сразу огненный поток захлебнулся, иссяк. Но выпущенные до этого эрликонами снаряды еще летят в меня, они еще могут совершить непоправимое. Однако теперь уже можно отвалить, изменив направление полета. Резко выхожу из пикирования. Последний обрывок трасс пролетает уже ниже моего самолета. Еще один поединок выигран!

Едва я успел вывести свой “Ил” из атаки и перевести его в набор, как самолет швырнуло вправо, а потом он повалился влево. Я дал ручку на вывод из крена, но “Ил” все продолжал валиться на левое крыло. Посмотрел влево и увидел, что на плоскости возле самого центра-плана зияет огромнейшая дыра!

А зенитки все стреляют. Но теперь мне уже маневрировать совсем невозможно – и так еле-еле удерживаю самолет в горизонтальном положении. Вражеские снаряды рвутся вокруг. Фашисты, конечно же, видят, что машина здорово подбита. “Сейчас будут добивать”. И тут приходит мысль: “Можно маневрировать скоростью!” И я дал форсаж, а через две-три секунды убрал его и прибрал газ. Затем опять дал полный форсаж! И так повторял до тех пор, пока вражеские зенитки не остались далеко позади».

* * *

Перелетев на аэродром Бешенковичи, 826-й полк после уничтожения врага в районе Лепель – Чашники принял участие в Полоцкой наступательной операции. Владимир Гуляев со своими товарищами штурмует немецкие колонны и позиции в районе Глубокого, Дуниловичей, Боровухи, Дисны, Бигосово.

28 июня 1944 года он стал участником небезызвестной обороны аэродрома Бешенковичи от прорывавшихся из окружения немцев – редкостного для войны случая, когда Илы стреляли

по врагу, стоя на земле. Штурмовики сгоряча расстреляли весь наличный полковой боезапас, и на следующий день, 29 июня, боевых вылетов не делали – просто не с чем было.

3 июля полк громит врага на северо-западной окраине Полоцка, а 4 июля, в день освобождения города, участвует в разгроме немецкой колонны на дороге Дрисса (Верхнедвинск) – Друя. В результате этого сокрушительного удара немцы потеряли 535 (!) автомашин и речную баржу.

Несмотря на то что враг нес столь чудовищные потери и отступал, полеты для наших штурмовиков были отнюдь не охотничьей прогулкой. Небо рвали в клочья немецкие зенитки, а в облаках постоянно рыскали «фоккеры» и «мессеры». И всякий раз кому-то из летчиков дивизии не было суждено вернуться на родной аэродром. Сбиты экипажи Акимов – Куркулев, Федоров – Цуканов, Осипов – Кананадзе, Куроедов – Кудрявцев, Маврин – Вдовченко, Матросов – Катков, Шкарпетов – Коргин... Экипажу Гуляев – Виниченко, слава богу, везло.

Однако в районе Резекне удача от Гуляева отвернулась. Во время атаки артиллерийских позиций его самолет получил тяжелые повреждения, и «иллюху» пришлось сажать с остановившимся мотором прямо на лес. Владимира Гуляева в бессознательном состоянии срочно доставили на попутном Ли-2 в Центральный авиационный госпиталь в Москву. В свой полк он вернулся лишь через три с половиной месяца.

О тяжелом ранении напоминали шрамы на переносице и подбородке и неутешительное заключение врачей, которое позволяло надеяться на полеты только в легкомоторной авиации. А это деревянно-полотняные «кукурузники» По-2. Такие были в 335-й дивизии лишь в штабном звене управления. Здесь на должности пилота По-2 он и продолжил свою службу, но писал рапорт за рапортом, и в конце концов добился повторной медкомиссии, и в марте 1945 года вновь поднял Ил-2 в воздух. И в одном из первых боевых вылетов едва не погиб. Архивный документ повествует об этом лаконично и сухо:

«26.3.1945 г. летал на штурмовку автомашин противника в район Бальга. Произведя три захода на цель, он уничтожил три автомашины и создал один очаг пожара. От прямого попадания зенитного снаряда самолет его был поврежден, но благодаря отличной технике пилотирования он привел самолет на свой аэродром и благополучно произвел посадку».

Смерть, опалив его своим страшным жарким дыханием, пронеслась совсем рядом. Но и после этого Гуляев неудержимо рвется в бой, совершая по 2–3 боевых вылета в день.

6 апреля целью Гуляева и его товарищей стал город-крепость Кенигсберг (Калининград). Летчикам именно их дивизии была доверена высокая честь сбросить с самолета ультиматум коменданту Кенигсберга генералу Отто Ляшу. Не выдержав мощи ударов атакующих, цитадель прусского милитаризма пала всего через три дня – 9 апреля. Именно в этот день за мужество, отвагу и совершенные 20 успешных боевых вылетов в небе Восточной Пруссии Владимир Гуляев был представлен к ордену Отечественной войны I степени.

Всего же Владимир Леонидович за время Великой Отечественной войны совершил 60 боевых вылетов на Ил-2. А поставить победную точку в войне лейтенанту Владимиру Гуляеву было суждено на Красной площади в Москве! 24 июня 1945 года на Параде Победы в составе сводной роты летчиков 3-й воздушной армии, в которую отобрали всего сто самых заслуженных счастливиц, он с тремя орденами на груди гордо и торжественно маршировал по легендарной брусчатке у Мавзолея Ленина. Впереди колонны – овеянное славой Боевое Знамя 335-й Витебской ордена Ленина Краснознаменной, ордена Суворова штурмовой авиадивизии. В первой шеренге – Герои Советского Союза. Среди них – командир его 1-й эскадрильи Герой Советского Союза капитан Федор Садчиков.

* * *

После войны Гуляев не смог продолжить службу в авиации. Сказались последствия ранений, контузии и заработанной на лесном белорусском аэродроме малярии.

В 1951 году Владимир Гуляев окончил ВГИК (курс Михаила Ромма и Сергея Юткевича). Сниматься начал сразу же: в 1950-е годы его типаж простого советского парня очень приглянулся режиссерам.

Гуляев был прост в общении – во время встреч со зрителями он охотно отвечал на многочисленные вопросы. Так, например, рассказал, что песня «Мне знакома каждая палатка, где нальют мне кружечку пивка», которую исполнял его герой Журченко из фильма «Весна на Заречной улице», родилась экспромтом. Подобные куплеты Владимир слышал до войны в родном дворе. А аккомпанировал Гуляеву на гитаре будущий известный режиссер Петр Тодоровский, который работал оператором-постановщиком на картине «Весна на Заречной улице».

В «Бриллиантовой руке» у Гуляева далеко не главная роль, но без него, без его обаятельной игры трудно представить этот фильм. Запоминаются каждое появление Владимира в кадре, каждая реплика, каждый жест. Во всем, кстати, чувствуется армейская косточка. Достаточно вспомнить, как он вручает Семену Семеновичу Горбункову мечту фронтовиков – итальянский пистолет М–1934 «Беретта».

Работа над «Бриллиантовой рукой» началась 29 апреля 1968 года, но с 9 по 13 мая режиссер Леонид Гайдай сделал перерыв. Ведь накануне Дня Победы в павильон «Мосфильма» пришли съехавшиеся со всей страны однополчане Владимира Гуляева, прибывшие на встречу ветеранов 335-й Витебской штурмовой авиадивизии. Прямо со съемочной площадки к ним вышел в лихо, по-авиационному надетой набекрень фуражке таксиста их Володя. Такой же веселый, неунывающий, а если заменить фуражку на летную – все тот же старший летчик 826-го Витебского полка лейтенант Гуляев.

Играть летчиков в кино Владимиру Гуляеву не довелось. Больше всего он жалел, что Леонид Быков не пригласил его в свой фильм «В бой идут одни “старики”». А ведь Владимир Леонидович был на фронте не только боевым летчиком, но и активным участником полковой самодеятельности, где снискал себе славу блестящего исполнителя популярных в те годы песен...

В своей документальной повести Владимир Гуляев рассказывает о боевых делах летчиков-штурмовиков, громивших врага в Белоруссии, Прибалтике, Восточной Пруссии. Повествование автор ведет от имени одного из героев – «младшего лейтенанта Леонида Ладыгина».

На фронт

Когда меня, рядового летчика Великой Отечественной, спрашивают: «Что больше всего в жизни запомнилось?», я с нескрываемой гордостью отвечаю: «Парад Победы, участником которого мне, девятнадцатилетнему лейтенанту, посчастливилось быть».

...24 июня 1945 года. Москва. Красная площадь, строгая и торжественная. Прямоугольники сводных батальонов всех фронтов замерли в четком парадном строю. Величаво бьют куранты часов на Спасской башне Кремля. И каждый новый удар отдается живым эхом в сердце каждого из участников этого всенародного торжества. В жестокой борьбе повергнут фашизм!

И вот над брусчаткой Красной площади разнеслась команда:

– Смир-рно!

Квадраты сводных батальонов качнулись и замерли, древки прославленных боевых знамен всколыхнулись и застыли. В торжественной тишине послышался цокот копыт. Из ворот Спасской башни Кремля на рослом гарцующем коне выехал принимающий парад Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Навстречу ему рысью пустил коня командующий парадом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Так начинался исторический Парад Победы...

В последний раз до этого великого события мне удалось побывать на Красной площади перед отправкой на фронт, 6 ноября 1943 года. В тот незабываемый предпраздничный вечер суровая столица провожала нас, группу молодых, еще не обстрелянных летчиков-штурмовиков, кумачом флагов да еще салютом в честь воинов 1-го Украинского фронта, возвративших Родине к празднику 26-й годовщины Октября освобожденный от фашистов Киев.

До этого мы целую неделю были на пункте сбора летно-технического состава, куда прибыли из летного училища. И вот получены документы, проездные билеты, и мы, группа молодых летчиков, отправляемся для дальнейшего прохождения службы.

Курсанты Пермской авиашколы им. В.М. Молотова

В.Л. Гуляев. 1944 год

Боевой экипаж штурмовика Ил-2 – летчик и стрелок-радист

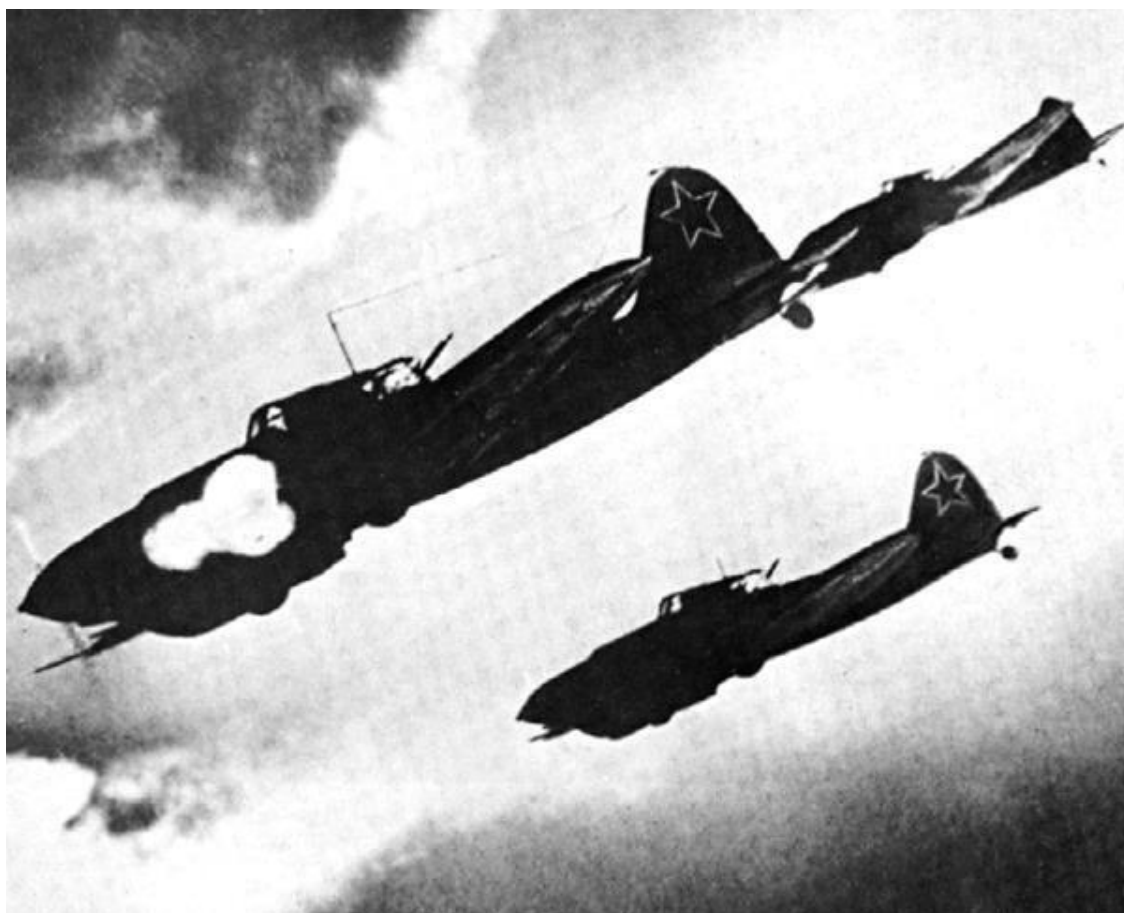
Штурмовик Ил-2, вид спереди

Ил-2 на полевом аэродроме

Ил-2 в воздухе

Ил-2 атакуют...

Боевые повреждения Ил-2

Ил-2 с пробоинами от огня немецкой зенитной артиллерии

Механики ремонтируют самолет Ил-2 после повреждений, полученных в бою

Устранение пробоин от осколков зенитных снарядов

Летчики 639-го штурмового авиаполка

Командир 215-го штурмового авиаполка майор Л.Д. Рейно в кабине Ил-2

Командир эскадрильи 826-го штурмового авиаполка

Герой Советского Союза гвардии капитан Александр Ильич Миронов (справа)

Младший лейтенант Владимир Гуляев. Фотография в газете «Советский сокол», май 1944 года

Владимир Гуляев перед парадом Победы, 1945 год

Ехали на поезде почти сутки. Шел мокрый снег. Вокзал был разрушен дотла. Выяснилось, что дальше нужно добираться попутными машинами. Прямой дороги нет, а с объездами это более ста километров. Всем вместе – а нас было двадцать четыре человека – ехать на попутных машинах было невозможно. Тем более была ночь, и надо было провести где-то время до утра. Завернули в воинский клуб. У кого-то нашелся баян, и стихийно возникли танцы. Совсем забыв про голод, мы с моим другом Костей Шуравиным нырнули в водоворот танцующих.

Были здесь в основном, конечно, военные. Час пролетел как одно мгновение. В двенадцатом часу танцы кончились. Я остановился у входа, ищу Костю. Смотрю, он идет с девушкой.

– Лена, – просто, без кокетства сказала она и протянула мне руку.

Передо мною стояла стройная симпатичная девушка с большими голубыми глазами. Золотистый локон ниспадал на ее высокий чистый лоб. На фронтовых погонах были эмблема медицинской службы и три звездочки... А у нас с Костей было лишь по одной! Она была старше нас года на три-четыре.

Лена взяла нас под руки, и мы зашагали в леденящую темноту улицы.

– А где же ваши остальные ребята? – спросила она. – И как это вас угораздило потерять продаттестат?

Очевидно, Костя уже успел кое-что рассказать Лене.

– Тащите ваших голодающих сюда. Я живу вот в этом доме, – она показала на черный прямоугольник, видневшийся за полуобвалившейся стеной. – Надеюсь, найдете? Вы же летчики, ориентироваться должны хорошо. А до вашего сарая по этой улице все прямо, никуда не сворачивая.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант, большое спасибо! Но вы же ничего не поняли, – непроизвольно вырвалось у меня от неожиданности такого предложения. – Нас же много. Нас восемь человек!

Лена посмотрела на меня и, как мне показалось в темноте, улыбнулась.

– А я и не собираюсь вас кормить до отвала, но по куску хлеба, по картофелине и по кружке кипятку найдется. К седьмому ноября нам выдали праздничный фронтовой паек, так вот кое-что осталось. Думаю, что за такое угощение не будете обижаться?

Вдруг ее смех неестественно оборвался, и несколько шагов мы прошли молча.

– Ну, а если не подходит, я не навязываюсь, – сказала она каким-то обиженным тоном. – Как хотите!

– Да мы хотим, хотим! Все хотим, – закричали мы с Костей. – Только ведь неудобно вас грабить.

– Неудобно?! – Лена остановилась и в упор посмотрела на нас. В темноте глаза ее блеснули зеленоватым огоньком.

– Эх вы!.. Сразу видно, что не были еще на фронте. Здесь нет такого мещанского понятия «неудобно». Здесь если товарищ в беде, то все общее, даже жизнь!..

Вот когда по-настоящему нам стало неудобно. От стыда мы не знали, что делать, что говорить. Хорошо, что было темно и Лена не могла видеть наших физиономий.

Очевидно, интуитивно почувствовав наше состояние, Лена непринужденно рассмеялась и взяла нас обоих под руки.

– Пойдемте покажу, как найти нашу дверь, и чтобы пулей за ребятами! Привыкайте к фронтовым порядкам!..

Когда мы вшестером (двоих не оказалось в «гостинице»), пробравшись через развалины, остановились возле гостеприимной Лениной двери, мною все-таки овладело чувство неловкости.

Наконец, поборов робость, мы гурьбой переступили порог, и я «доложил» Лене бодрым голосом:

– Товарищ старший лейтенант, группа пилотяг в количестве шести ртов прибыла по вашему приказанию!

– Вольно, вольно! – послышалось из соседней комнаты, отделенной от маленькой прихожей плащ-палаткой, приподняв которую, в проеме бывшей двери появилась и сама улыбающаяся хозяйка. На ее гимнастерке в колеблющемся пламени коптилки блестели две медали – «За отвагу и «За боевые заслуги».

– Быстро заходите и закрывайте дверь! – скомандовала она. – А то у нас не жарко, да и коптилку задует.

Последний с силой захлопнул дверь, и коптилка погасла. На секунду в темноте воцарилась неловкая тишина.

– Ну кто же так хлопает дверью? – упрекнул Костя. – Заставь дурака богу молиться...

– Да что вы накинулись на человека, он же хотел как лучше. Маша, – позвала Лена, – принеси-ка сюда коптилку со стола!

Край плащ-палатки приподнялся, и прихожая озарилась ярким светом лампы, сооруженной из гильзы большого снаряда (105-миллиметрового, а может быть, и большего калибра). Ее держала совсем юная, стройная девушка. Не то пламя окрашивало ее волосы в красноватый тон, не то на самом деле они отдавали золотистой рыжинкой. По ее белому лицу разбежались еле заметные веснушки. Правильный небольшой носик был чуть-чуть вздернут вверх с еле уловимой задоринкой. Голубые глаза из-под длинных ресниц смотрели прямо, открыто и немножко удивленно.

– Снимайте, мальчики, ваши шинельки и вешайте вон на те гвоздочки, – Лена показала на стенку в прихожей. – А это Маша. Работает в нашем госпитале сестренкой. Она у нас лучший лекарь! Самые тяжелые раненые начинают улыбаться, когда она ухаживает за ними.

– Ну, Елена Васильевна, зачем вы так? Скажете тоже. – Маша опустила свои необыкновенные глаза, по щекам ее запрыгали отблески пламени. А может, краска смущения залила их.

– Ладно, ладно, не смущайся, Солнышко ты наше! Ее так раненые зовут.

Лена «прикурила» погасшую коптилку и поставила ее на тумбочку...

Ребята, раздевшись, вешали свои шинели, а я смотрел на Солнышко и не мог оторвать глаз. Маша повернулась, чтобы уйти в комнату, и ее взгляд скользнул по мне. Потом она внимательно посмотрела прямо мне в глаза. На секунду наши взгляды встретились, и в душе у меня что-то начало плавиться. Она опустила глаза и быстро скрылась за плащ-палаткой. Сразу стало в прихожей почти темно. «Ну да, она же унесла большую лампу, а свет маленькой загорюдили ребята», – подумал я. Снял свою старенькую синюю шинельку, водрузил ее на гвоздь и вслед за ребятами прошел за занавеску. Посредине небольшой комнаты стоял стол, вместо скатерти покрытый чистой простыней. Разные тарелки, кружки и стаканы, вилки и ножи только подчеркивали желание наших хозяек сделать почти из ничего радость для совсем не знакомых им людей.

Маша появилась из-за занавески, отделявшей угол комнаты, с двумя банками консервов и, поставив их на стол, опять скрылась за занавеской.

– Костя, открой, пожалуйста, – сказала Лена и вручила ему консервный нож, а сама стала резать шпик, кладя отрезанные кусочки на ломтики черного хлеба.

Глядя на эту процедуру, я сглотнул слюну. Лена, заметив это, тут же скомандовала:

– Мальчики, прошу всех за стол. Таня, давай сюда картошку, а то гости наши умирают с голоду!

Маша отстранила занавеску, и с тарелкой в руках появилась Таня. Она водрузила тарелку на середину стола и, тряся кистями рук, дуя на ладони, запрыгала на одной ноге.

– Тьфу ты! Я и не думала, что она такая горячая. Надо было полотенцем. – Наконец, она остановилась и, посмотрев на нас, произнесла: – Здравствуйте, Таня.

Переход был настолько неожиданным, что все заулыбались. Таня была гораздо крупнее своих подруг. Подпоясанная гимнастерка облегла ее довольно внушительные формы. Три лычки на ее погонах указывали на то, что она была сержантом медицинской службы.

Вид дымящейся картошки, политой поджаренными шкварками с луком, не заставил нас долго упрашивать, и мы быстренько приземлились за столом кто где – не выбирая места.

Когда мы, еще немного стесняясь, потянулись за яствами, из-за занавески опять появилась Таня.

– Внимание, внимание! – произнесла она своим низким голосом. На лице и в прищуренных глазах играли лукавые искорки. – Показывается фокус-мокус. Р-р-аз! – и из-под откинутой наволочки в ее руке показался флакон со спиртом: – По полрюмочки на каждого – не велик грех.

– Ну, девчата, спасибо! Вы не только подкормить нас решили, но и праздник нам устроили! – дружно, от души поблагодарили мы их.

Хозяйки были радушны и гостеприимны. Лена стала раскладывать горячую картошку по нашим тарелкам.

– Это, честно говоря, картошка последняя. Я понимаю, мальчики, что вам это маловато, но больше нет.

Лена перегнулась через Костино плечо, чтобы положить ему картошки. Медали, висящие у нее на груди, нежно звякнули у него над ухом и похолодили щеку. Костя отстранился и, посмотрев ей в глаза, поинтересовался:

– Лена, вы, конечно, извините, но интересно, за что вам эти медали вручили?

Девушка выпрямилась, смущенно пожала плечами:

– За работу, наверное.

– Она у нас скромничает, – перебила ее Таня. – Ведь более десятка раненых вынесла с поля боя на себе, и сама была ранена – вот за это ей медаль «За отвагу» вручили. Ну а после излечения она в этом эвакогоспитале почти год работает – вот вам и боевые заслуги. Сколько раненых через ее руки прошло! Она у нас не кто-нибудь – хирург!

Наискосок от меня, разговаривая с Мишей Аксенгором, сидела очень миловидная Машенька. Я нет-нет да украдкой поглядывал на нее. Вела она себя очень просто, без тени кокетства. Моих взглядов она не замечала. Но иногда мне казалось, что краешком глаза она все же видит, что я смотрю на нее.

Завели патефон, пошли потанцевать. Закружились пары. Лена вдруг остановилась и громко сказала:

– Машенька, разве ты не видишь, какой грустный у нас Леня? Ты же умеешь развеселить даже тяжелораненых!

Маша посмотрела на меня и, опустив глаза, тихо сказала:

– Но он же не раненый.

Все дружно засмеялись, а Костя, погрозив ей пальцем, заметил:

– Ну, это как сказать? Может быть, уже ранен, да еще в самое сердце!

– Недаром же мы зовем ее Солнышком, – пояснила Лена. – И волосы у нее золотые, и руки теплые, ласковые. Раненые в ней души не чают.

Вскоре мы с девушками прощались на улице. Я подошел к Маше и взял ее за руку. Рука ее была действительно теплая и нежная.

– Машенька, завтра мы уезжаем дальше, ближе к фронту. Так что не могу сказать даже и до свидания. А как бы хотелось встретиться.

– Но что же, Леня, делать? Война...

Она пожала мне руку крепко, по-дружески.

– Да, тут ничего не поделаешь... А можно я буду писать вам? – с надеждой спросил я.

– Конечно, можно. Я отвечать буду, – тихо пообещала она.

В темноте не было видно ее глаз. Я сжал ее руку, мое лицо зарылось в мягких душистых волосах. Поцеловав ее в щеку, бросился догонять ребят.

Ночной город встретил нас мертвой тишиной. Ни единого огонька, ни одной звездочки. Наши шаги неестественно гулко отдавались в развалинах, да ветер заунывно гудел в проводах.

Шли молча. Говорить не хотелось, как будто вся радость осталась там, за той дверью. И запомнилось с тех пор: трудности, обиды и невзгоды приходят и уходят, а вот тепло человеческой души остается в памяти навсегда.

* * *

Через пару дней мы с великими трудами добрались до места назначения. Было почти темно, когда машина остановилась, и шофер, выйдя из кабины, устало потягиваясь, сообщил, что мы находимся в Крестах. Небольшая деревушка была расположена в лесу на косогоре.

Регулировщик направил нас к коменданту, который проверил у нас документы и сообщил, что Кресты – еще не конечный пункт нашего маршрута, чем немало обескуражил нас.

Не успев как следует отогреться в комендатуре, мы опять очутились в холодной темноте. Резкий ветер, казалось, пронизывал насквозь. К тому же еще шел дождь со снегом. Но через какое-то время глаза начинают привыкать к чернильной темноте. Неожиданно тень, похожая на избу, возникает перед нами. Приглядевшись, видим какое-то хаотическое нагромождение бревен. Наверное, снаряд или бомба попали в нее и разворотили строение. По пути встретили какого-то военного, он привел нас в свое хозяйство.

Впереди неожиданно скрипнула дверь, и наш провожатый баритоном пригласил:

– Проходите сюда, ребята! Сейчас лампу засветим.

Он нагнулся и прижег в печурке лучинку, пламя от которой осветило его суровое мокрое лицо с усами, полевые погоны с красными лычками младшего сержанта.

– Ну вот так-то. Располагайтесь пока тут, поближе к печке. Раненых привезут еще не скоро...

Я забрался к Володе Изгейму на верхние нары. Он уже спал, сладко похрапывая. Не успел и я прислонить голову к доскам нары, как мгновенно уснул...

Открываю глаза и ничего не могу понять. В темноте горят светильники. Много светильников. В полумраке проплывают какие-то серые тени. А подо мной стоит младший сержант и, запрокинув голову, виновато улыбается:

– Слава богу, еле добудился. Пора, милоч, больно уж много их, раненых, класть некуда...

Я огляделся и к ужасу своему понял, что вокруг меня лежали раненые. Десятки раненых! Резкий запах йода и эфира ударил в нос. Я окончательно пришел в себя, спать больше не хотелось. Один за другим мы вновь (в который уже раз) вышли на улицу, чтобы продолжить свой путь на перекладных.

...Машина резво катила по дороге, подпрыгивая на ухабах. Минут через сорок шофер затормозил и, высунувшись из кабины, крикнул:

– Летчики, приехали!

Мы, молодые летчики, стояли в кузове остановившегося грузовика и с недоумением озирались вокруг. Где же аэродром? Ведь кругом лес! Только полоса, расчищенная от леса, уходила узкой просекой вправо. Были видны замаскированные елками штурмовики Ил-2. Значит, все правильно, это и есть аэродром. Но как же тут летать?

Мы, недавно окончившие летные школы, привыкли к тому, что аэродром – это огромное ровное поле, где можно разбивать старт в любом направлении, откуда бы ни дул ветер. А тут? Здесь можно взлетать только в двух направлениях. Да и риск немалый: чуть уклонился на взлете – стеной стоит лес...

– Ну, все разгрузились? – нетерпеливо крикнул шофер.

Ребята брали свои вещички и прыгали из кузова, впервые «приземляясь» на свой аэродром. Неожиданно мы увидели, что к машине идет группа летчиков в зимних комбинезонах, унтах, шлемофонах, с пистолетами на боку и планшетками через плечо. Вот они, настоящие летчики-фронтовики! Как-то они нас встретят? Хотелось, чтобы они не разочаровались. Вдруг один из летчиков показался мне очень знакомым. Он тоже посмотрел на меня, и лицо его расплылось в улыбке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.